

РЕЦЕНЗИИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 146–159
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(4):146–159

Рецензии

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-4-146-159

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ КАССАЦИОННОГО СУДА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ, СПРОВОЦИРОВАННЫЕ КНИГОЙ А. Н. ВЕРЕЩАГИНА

**«Кассационный сенат. (1866-1917). Очерки устройства и деятельности
верховного суда Российской Империи*». (М.: Издательская группа «Закон», 2022. – 616 с.)**

Константин Петрович Краковский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, frelena@mail.ru

Аннотация. В представленном материале рецензируется книга А. Н. Верещагина «Кассационный сенат. (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи» (М.: Издательская группа «Закон», 2022. – 616 с.). Автор рецензии дает критический анализ рассматриваемой в данном произведении «научной биографии» «верховного суда» Российской империи.

Ключевые слова: Кассационный Сенат, кассационные департаменты, кассационная практика, полномочия Думы, судебное нормотворчество

Для цитирования: Краковский К. П. Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А. Н. Верещагина «Кассационный сенат. (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи» (М.: Издательская группа «Закон», 2022. – 616 с.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 146–159. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-146-159>

Reviews

Book review

REFLECTIONS ON THE FATE OF THE COURT OF CASSATION IN POST-REFORM RUSSIA, PROVOKED BY A. N. VERESHCHAGIN'S BOOK

**"The Senate of Cassation. (1866-1917). Essays on the structure and activities
of the Supreme Court of the Russian Empire" (Moscow: Pravo Publishing Group, 2022. – 616 p.)**

Konstantin P. Krakovski

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
frelena@mail.ru

Abstract. The presented material reviews the book by A.N. Vereshchagin "The Senate of Cassation. (1866-1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire" (Moscow: Publishing Group "Law", 2022. – 616 p.). The author of the review gives a critical analysis of the "scientific biography" of the «Supreme Court» of the Russian Empire considered in this study.

Keywords: Cassation Senate, cassation departments, cassation practice, powers of the Duma, judicial rulemaking

© Краковский К. П., 2022

Рецензия публикуется в авторской редакции.

* Видимо, вследствие особого почитания «старой России» автор, пренебрегая правилами русского языка, вместо строчной использует прописную букву, как для существующего государства (прим. – К. К.).

For citation: Krakovskiy K. P. Reflections on the fate of the Court of cassation in post-reform Russia, provoked by A. N. Vereshchagin's book "The Senate of Cassation. (1866-1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire" (Moscow: Pravo Publishing Group, 2022. – 616 p.). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(4):146–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-146-159>

Увидела свет долгожданная книга А.Н. Верещагина о кассационном Сенате, по теме, которая чрезвычайно редко привлекает внимание историков и юристов, и уже в силу этого она возбуждает интерес и требует оценки представленных автором материалов. Книга написана преимущественно на основе статей в юридических газетах и журналах, опубликованных в исследуемый период, с небольшими вкраплениями архивных материалов, а также, разумеется, опубликованной практики кассационного Сената.

Она состоит из трех разделов, каждый из которых, по рекомендации автора, можно читать в любом порядке или вовсе не читать. Но рецензент прочитал внимательно и, не скрою, с интересом.

В **Части первой** читатель найдет содержательный рассказ о предыстории кассационного Сената, о судебной деятельности Сената в XVIII и первой половине XIX в., о подготовке проекта Судебных уставов 1864 г. в части создания кассации. В частности, представлен ряд проектов, начиная от проекта М.А. Балугьянского. Автор широко использует 74-томное собрание документов о судебной реформе С.И. Зарудного, описывая мельчайшие детали процесса подготовки реформы.

Часть вторая посвящена устройству кассационного Сената и его эволюции. Глава 4 – разносторонняя, преимущественно формально-юридическая характеристика судов и судей (от назначения на должность до пенсии, чины, ордена, награды и ответственность и т.д.). В книге описано в деталях, как формировался кадровый состав (формально и в лицах), дана общая характеристика всех направлений деятельности кассационных департаментов: не только кассация, но и надзор, судебное управление. Также здесь содержится информация о многочисленных добавочных подразделениях департаментов (присутствиях).

Красной линией через всю книгу проходит проблема *перегруженности Сената* поступающими на кассацию делами. Автор даже предложил свою периодизацию истории пореформенного кассационного Сената, приурочив ее к тем или иным подходам к решению этой проблемы. Согласимся, что в 1870-е годы и последующие десятилетия это было актуальной, что называется живой темой; сейчас, спустя 150 лет, она явно утратила свою остроту и значимость. Решение проблемы перегруженности делами как основание периодизации, – необычно, но, видимо, допустимо.

Глава 7 о проблемах взаимоотношения общества и высшего кассационного суда, его вовлеченности в политическое судопроизводство, как и **Глава 8** (она посвящена анализу влияния реформы 1889 г. – введение земских начальников – на кассационную практику и вообще механизм кассации) нуждаются в серьезных замечаниях, которые будут сделаны ниже.

Интерес представляют материалы книги, посвященные проектам конца XIX в., в которых отразились идеи реформирования «кассационного вопроса». Показано, как власть предрешающие хотели преодолеть формализм кассационной процедуры, установленной Судебными уставами, в том числе за счет создания аналога суда канцлера в Англии (Высший совестный суд) – несостоявшийся проект, каких было немало. Впрочем, избыточно подробный многостраничный пересказ автором дискуссий в Муравьевской комиссии, изложенных в многочисленных, опубликованных на рубеже XIX-XX вв. томах материалов, а также широкого обсуждения в юридической публицистике тех лет – объект для весьма утомительного и малополезного чтения, тем более что все эти дискуссии и их результаты оказались, как говорят гадалки, «пустыми хлопотами».

Автор представил далее, действительно, достаточно интересный сюжет: кассационный Сенат и Дума: их взаимоотношение. Показано, как правительство использовало толкования законов Сенатом для обхода законодательных полномочий Думы. Это действительно интересная и мало-, если не сказать неисследованная тема в современной литературе.

В заключительной главе раздела (11) – вместо ожидаемых выводов по всему разделу – обещанному ответу на поставленный автором самому себе риторический вопрос: «правильным ли путем развивался кассационный Сенат», мы найдем обращение к частному вопросу – рассуждению об идеях (проектах) А.К. Рихтера.

Третий раздел – самый «инновационный», ибо его сверхзадачей было продолжить разговор на довольно актуальную, большую, важную и, кстати сказать, весьма дискуссионную тему о судебном нормотворчестве в России – и в прошлом, и в настоящем, и, конечно, в будущем. Применительно к кассационному Сенату она может быть сформулирована кратко: творил ли он право (или по-другому, имело ли место нормотворчество Сената), носили ли его решения характер судебного прецедента, аналогично творчеству английских судов, были ли они обязательны для всех судов?

Тему судебного нормотворчества начинал осваивать еще во второй половине XVIII в. С.Е. Десницкий, а в первой половине XIX в. М.М. Сперанский. В фонде последнего в Отделе рукописей РНБ мне посчастливилось найти неопубликованную работу «Изъяснение законов и дополнение»¹, посвященную вопросу толкования законов. Об этом рассуждали на рубеже XIX-XX веков С.А. Муромцев и Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич и Л.И. Петражицкий, Е.В. Васьковский и И.А. Покровский и др. В начале XX в. была защищена первая и единственная в «старой России» диссертация на эту тему Г.В. Демченко [1], *на тот момент* ученым императорского Варшавского университета (Верецагин почему-то называет его киевским правоведом – с. 9)². Потом последовал перерыв, длиной в несколько десятилетий: советские ученые отвергали саму эту идею.

Однако в постсоветский период интерес к ней ожидаемо оживился. Вслед за крупным исследованием М.Н. Марченко «Судебное правотворчество и судебское право» (М.: Проспект, 2009) последовали труды плотного отряда ученых-юристов, исследовавших как теоретические (П.А. Гук, С.В. Потапенко, А.С. Даниелян, А.А. Воротынцева, А.Г. Карапетов и др.), так и историко-правовые (Н.И. Биюшкина, А.А. Сапунков, С.Л. Будылин, А.Х. Торпуджиян, М.С. Чунина, А.Н. Пугачев, М.В. Кучин, и др.) аспекты темы.

Внес свой вклад в освоение названной темы и А.Н. Верецагин, опубликовав переведенную на русский язык свою английскую диссертацию [3]. В рецензируемой книге он представляет свой взгляд на роль кассационных департаментов Сената в нормотворчестве в исследуемый период. Объективности ради признаем, что это самое солидное на сегодняшний день исследование кассационной практики Сената в рассматриваемый период.

Автор в деталях рассмотрел порядок прохождения дел в кассационных департаментах, механизм сенатского нормотворчества, расцветшего пышным цветом, благодаря свободе толкования, предоставленной им Судебными Уставами 1864 г. (преимущественно на примере практики гражданско-кассационного департамента и отчасти – Общего собрания кассационных департаментов).

Также автор повествует о дебатах на разных уровнях и сферах (академическая и «практическая») по вопросу об обязательности прецедентов Сената и анализирует аргументы в пользу и против обязательности сенатских решений для судов. Он демонстрирует, что *ученые-юристы* были в целом против, *юристы-практики* в целом поддержали идею обязательности; в том числе, что для самого кассационного Сената его собственные решения обязательны (от которых он все же иногда отступал, исправляя собственные ошибки).

Автор дает положительно ответ на вопрос о том, имели ли сенатские решения *обязательный характер* не только по данному делу, но для всех подобных дел и для всех судов – т.е. создавал прецеденты. Хотя признает, что это вступало в противоречие с Основными законами (ст. 65 – что империя управляется на основании законов (но не прецедентов!) ... и ст. 68 – ограничивающей правовое значение судебного решения по делу только для данного дела).

¹ ОР РНБ. Ф. 731 (М.М. Сперанский). Д. 1450. Писарская копия. Б.д. Она войдет в готовящийся мной к изданию сборник неопубликованных юридических произведений М.М. Сперанского.

² См. подр.: [2].

Нам представляется, что кассационный Сенат действовал все же «партизанским образом», не имея прочного формально-юридического основания для создания «прецедентов». Однако, полагаю, он сам себе присвоил это полномочие, как это делали суды и других стран (например, Верховный Суд США). Правовая «загогулина», как выражался известный политический деятель, состояла в том, что решения принимали умные сенаторы, лучше всех в стране знавшие право и правоприменение, – кто мог с ними поспорить? – Только отдельные ученые-позитивисты. А Сенат, кроме того, стал настаивать на *обязательности* своих прецедентов в силу их авторитетности и полномочий творца – и у него была реальная возможность обеспечить это указание – отменять решения судов, если они не следовали его правовым позициям, на что обратил внимание еще Г.В. Демченко более столетия назад.

Также автор решает ряд иных, более частных вопросов, связанных с силой сенатских решений и толкований (напр., об обратной силе сенатских толкований, о значении неопубликованных решений, о коллизии решений кассационных департаментов и Общего собрания). Он обратил внимание на проблему непостоянства мнений департаментов, изменение ими своих правовых позиций, пересмотр прежних решений.

Отдельная глава посвящена анализу методов толкования, применявшимся кассационным Сенатом с целью устранения существенных пробелов российского законодательства (на основе буквального толкования закона, на основе выяснения законодательных мотивов, изучения законодательных источников, русских, даже очень старых, зарубежных, в том числе даже античных – греческих и римских, применение правовых принципов, например, принципа справедливости, а также нравственных принципов в обоснование решения). Это, повторю, весьма интересный и актуальный материал.

Жаль, что автор обрывает повествование о кассационных департаментах концом имперского периода: он ограничивается в эпилоге «Гибель Сената» только тщательно отобранными фактами о *беззаконии* новой власти (Временного правительства). Но, заметим, что, в отличие от большевиков, пришедших к власти спустя полгода, Временное правительство все же сделало немало хорошего в юридической сфере: произошли метаморфозы разного рода – это изменение состава кассационных сенаторов, появление там весьма сведущих лиц, напр., М.М. Винавера, О.О. Грузенберга, создание административной юстиции, работа Чрезвычайной следственной комиссии, установившей немало неприглядных фактов о госаппарате царизма, в том числе о «старом» Сенате, Комиссия по восстановлению Уставов 1864 г. и т.д. Не обошлось без ошибок, например, амнистия политических (верное решение!) сопровождалась освобождением из тюрем, ссылки и каторги откровенных уголовников (очевидная ошибка!). Впрочем, «Революция, батенька...», – коротко возразил бы на все осуждения автора известный персонаж.

Книга перегружена *техническими* деталями, подозреваем, интересными лишь автору. Он «опоздал» со своим избыточно детальным исследованием лет на 120, когда кассационный Сенат работал, «засучив красные (по цвету, а не идеологии) рукава» и когда пространные описания мельчайших деталей сенатской кассационной жизни имели практическое значение. В те времена русская научная и профессионально-правовая литература, публицистика, действительно, внимательно следили за кассационным Сенатом, описывая, анализируя мельчайшие детали его деятельности: в библиографических указателях А. Поворинского из 18.777 наименований работ о до – и пореформенном суде около 400 посвящено кассационному Сенату, деталям его деятельности [4–5]. И это только до 1905 г. Потом появилось (до октября 1917 г.), наверное, еще столько же. Сейчас технические детали и тонкости деятельности кассационного Сената в большей части интересны специалистам, да и то их, к сожалению, единицы. За последние 40 лет, когда ученые-историки и историки права проявили, наконец, интерес к истории Сената, о нем (все аспекты) защищено до обидного мало диссертаций, количество которых можно посчитать по пальцам одной руки¹.

¹ Для сравнения: число диссертаций о проведении судебной реформы 1864 г. в России, или, скажем, о мировом суде исчисляется десятками, а авторам книг и статей на те же темы – «несть числа и имя им легион».

Но раз уж ученый взялся за *историко-правовое* исследование, то куда более важными, чем технические тонкости сенатского кассационного производства, оставшиеся в далеком прошлом, представляются историко-правовые проблемы более высокого свойства: эффективность сенатского кассационного производства, его влияние на развитие российского права (коль уж мы признали правотворческую функцию Сената); Сенат и прокуратура, Сенат и Администрация (правительство, губернаторы), Сенат и верховная власть, влияние кассационного Сената на обеспечение законности и защиту публичных и частных прав подданных, отношение нижестоящих судов и их судей к кассационному Сенату... Можно продолжать долго. Возможно, в своих будущих работах автор заполнит эти лакуны.

Следует отметить иллюстративный ряд: в книге представлена галерея портретов деятелей, интерес представляют биографические справки о видных деятелях кассационного Сената, таблицы о кадровом составе кассационных департаментов Сената, статистика дел, характеристика общих собраний и специальных присутствий. Автор возвращается к старой доброй традиции дореволюционных изданий: перед каждой главой тезисно излагать содержание.

Книга Верещагина, как любое многостраничное сочинение, не избежала ряда фактических ошибок. Так, он утверждает, что Государственный совет был *учрежден* в 1801 г. (с. 19). Это неверно, в 1801 г. был учрежден Непременный совет, а Госсовет – в 1810 г., хотя споры о правопреемстве продолжаются до сих пор¹. Он утверждал, что реформа 1912 г. упразднила земских начальников (с. 152, 291). Это неверно, в ряде регионов земские начальники действовали до 1917 г. 20 марта 1917 г. глава Временного правительства князь Г.Е. Львов циркуляром № 92 потребовал от губернских комиссаров немедленно приостановить деятельность земских начальников. Рассказывая о деле Веры Засулич, автор допускает типичную ошибку, сообщая об изъятии у присяжных, в связи с их вердиктом по данному делу, политических дел. Изначально (с 1864 г.) у присяжных не было в подсудности такой категории дел (автор называет эту категорию необычным, придуманным им термином «дела о членах конспиративных террористических организаций» - с. 197). Не раз автор оперировал изобретенными им терминами: на с. 196 он пишет о сословных заседателях (не было таких – были сословные представители), на с. 256 - об Уголовном департаменте, которого не было в составе Сената.

В этом месте можно было бы написать традиционную для отзывов на диссертации фразу: «однако допущенные автором ошибки не повлияли на ...». Однако в работе есть и ошибки принципиальные (уже не «блошки»), которые повлияли..., и на которые не могу не обратить внимание.

Автор с упорством, достойным лучшего применения, использует для кассационных департаментов Сената термин «верховный суд империи» (вариант «единый верховный суд» с. 28) в названии книги и по тексту. Могу с этим термином согласиться, если это *образное выражение, фигура речи*. А если он так считает серьезно, то, полагаю, что это - натяжка, вызванная непониманием сути верховной самодержавной власти в Российской империи.

Кассационные департаменты определены Уставами 1864 г. в качестве «верховного кассационного суда», что не одно и то же с Верховным судом. Не может подразделение (в данном случае департамент) государственного органа выступать в качестве высшего государственного института. Кроме того, автору известно (с. 287), что 1-й департамент Сената выполнял функции «верховного» суда, по отношению к губернским присутствиям (суррогат административной юстиции), а 4-й департамент был «верховным судом» (в авторской лексике) для коммерческих судов. Старые (апелляционные) департаменты еще долго работали после 1864 г. (на ряде территорий – 40 лет), выступая «верховным судом» для дореформенных судов, пока на соответствующих территориях не вводились Судебные уставы, после чего они (департаменты) постепенно закрывались. А ведь закон предусматривал еще и Верховный уголовный суд для рассмотрения важнейших дел о государственных преступлениях, и в рассматриваемый автором период заседал «два с половиной раза» (1866 г. – покушение на царя Д. Каракозова, 1879 г. – покушение на царя А. Соловьева, а также в 1913-1915 г., уже в новом статусе, – не завершил производство по делу о депутатах Думы).

¹ Подр. см.: [6].

Также нужно помнить, что с введением института земских начальников единство кассации и вовсе «рассыпалось» для ряда территорий, о чем автор пишет в гл. 8. Это что: еще 43 верховных (кассационных) суда империи? - Над которыми создали еще один «суперверховный» суд (Соединенное присутствие 1-го и одного из кассационных департаментов)? Не много ли?

Мы убеждены, что все эти многочисленные «квазиверховные суды» вместе с кассационными департаментами *даже в совокупности* не составляли «Верховный суд», не мыслимый в абсолютной монархии. Вот если бы проект М.М. Сперанского был реализован, то планируемый им «судебный Сенат» (целиком и полностью) стал бы верховным судом. Но, увы, этого не случилось...

Теперь о характере полемики и приемах, использованных автором рецензируемой книги. С трудно объяснимым высокомерием (видимо, основанным на убеждении автора, что обладателю сертификата провинциального английского университета, подтверждающего защиту им *thesis*, многое позволено) автор не просто критикует тех, чьи взгляды ему претят, но позволяет себе навешивать им ярлыки, и, более того, на их примере даже оценивать уровень постсоветской литературы в целом, как крайне невысокий.

Замечательного отечественного историка Николая Алексеевича Троицкого, в трудах которого наш воинствующий автор усмотрел *только* «крайности» (с. 191), он удостоил «титула» «правовверный большевик», вкладывая в свое определение явно негативное звучание. Выдающийся историк права М.Ф. Владимирский-Буданов, на трудах которого воспиталось не одно поколение до- и постсоветских историков права, был ярким полемистом, но он прекращал научную полемику после смерти его научного оппонента, т.к. тот не мог ему ответить (на ум приходит максима римлянина Публилия Сира «мертвого льва кусают даже щенки» или ее восточная модификация «мертвого льва может пнуть даже осел»).

Будь профессор Н.А. Троицкий жив, он нашел бы, чем Вам, Верещагин, ответить, так же, как он дал резкую критическую оценку книги Вашего явного единомышленника А.Н. Боханова «Император Александр III» (М, 1998) [7] как примера верноподданнической литературы. Не знаю, будут ли когда-либо в будущем проводиться чтения памяти А.Н. Верещагина, но участники ежегодных чтений памяти Н.А. Троицкого, его многочисленные ученики и ученые славной саратовской исторической школы с Вашими оценками и «ярлыками», навешанными на этого ученого, точно не согласились бы. Вклад Н.А. Троицкого в отечественную историческую науку слишком велик, чтобы так, как делает наш автор, походя, навесить ярлык, не утруждая себя аргументами.

Но я, к счастью, пока жив, и мне есть, чем этому непримиримому автору ответить на высказанную в рецензируемой книге жесткую критику, касающуюся, в частности, моего взгляда на политическую юстицию царской России и моего мировоззрения, а также общего идеологического фона рецензируемой книги.

Автор использует известный, но «дурно пахнущий» прием, когда приписывает мне слова, которых нет в моей работе о политической юстиции (с. 191-192), делая при этом ссылку на конкретные страницы моей книги. Ну, допустим, это Ваша, Верещагин, интерпретация, ну, допустим, не любите Вы революционеров и симпатизируете политической юстиции царизма, жестоко каравшей их, не скрываете своих правых консервативных взглядов и восторга имперскими порядками одного из последних оставшихся тогда в Европе архаичных режимом (эту Вашу мировоззренческую позицию я не могу разделять, но вполне уважаю), но не пустословием, необоснованными рассуждениями и крепкими словами надо вести полемику, а историческими фактами.

Так, автор обвиняет меня в доверчивости акту ЧСК Временного правительства, который не прошел проверку. На самом деле я использовал не только обвинительный акт, а все 15 томов следственного дела о злоупотреблениях Щегловитова и руководства судебного ведомства, содержащим многочисленные *документальные свидетельства* и показания, представленные в ЧСК немалым числом служителей закона¹.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д.д. 422-436. Подр. см.: [8].

А еще автор «на голубом глазу» решительно обвиняет меня в том, что я полагаюсь (и цитирую в своей работе о политической юстиции) только на левых авторов, которые, конечно, по его убеждению, лгут. А что: С.Ю. Витте, А.Ф. Кони, И.А. Фойницкий, Ф.И. Родичев, на которых я ссылаюсь, левые? А к какому флангу причислять Л.Н. Толстого? Тоже левый?

Приведу лишь два из многих использованных мной в исследовании о политической юстиции свидетельств очевидцев, касающихся темы рецензируемой книги. «Перед революцией, - писал более чем осведомленный С.Ю. Витте (*уж он-то вне подозрений в «левизне»!*), - Сенат обратился в значительной степени в орудие администрации вообще и министра юстиции и председателя Совета министров в особенности»; он «совсем утратил свою самостоятельность и нравственную справедливость своих суждений и обратился в учреждение, олицетворяющее часто полную незаконность»; после 1905 г. Сенат «систематически пополняется угодниками министра юстиции и других министров, а сам министр юстиции из высшего блюстителя законности обратился в помощника шефов жандармов и начальника тайной полиции» [9, с. 339–340].

Ему вторил писатель В.Г. Короленко, активное борющийся за соблюдение законности в судах: «Виды правительства поглотили сначала институт следователей и прокуроров. Потом низшую магистратуру и Сенат. ... На наших глазах Сенат явно и покорно склонился перед влиянием министра юстиции. » [10, с. 669]. Я не видел оснований не доверять этим персоналиям. Верещагин доверяет иным свидетельствам, укладывающимся в его концепцию и соответствующим его идейным убеждениям. У каждого свои герои...

Не могу принять и обвинений в том, что я-де, усматриваю «негатив» в том, что *только* половина судей назначались на должности по представлению судов (С. 73). Это не я, а члены ЧСК Временного правительства (кстати, практикующие юристы, преимущественно следователи, хорошо знавшие судебные порядки в поздней империи) усматривали негатив, причем, в контексте именно «своеобразной» кадровой политики Щегловитова назначать людей с правыми взглядами, «своих» протеже – и не только в окружные суды и судебные палаты, но и в кассационные департаменты Сената¹. Именно в таком контексте я *солидаризировался* со следователями ЧСК. Но что интересно, на допросе в ЧСК по вопросам, касавшимся «направления» деятельности УКД Сената и формированию его состава, сам Щегловитов не скрывал: важнейшее – это подбор сенаторов [кассационных департаментов] с правыми взглядами; он рассказал также о *ежедневных* консультациях обер-прокуроров по «наиболее серьезным вопросам» [11, с. 374]. Это были вопросы о политических делах в кассационном Сенате.

А разве не так было при предшественнике Щегловитова на посту министра юстиции? В письме Б.Н. Чичерину (1899 г.) А.Ф. Кони замечал: «...бывший *красный либерал*, а ныне ... первоприсутствующий угол[овного] касс[ационного] д[епартамент]а, ученый профессор Таганцев бежит за указаниями в министерство и затем прямо и косвенно влияет на сенаторов, сообщая им разные внесудебные соображения и известия. Общее развращающее влияние М[уравьева] отражается на холопских приговорах суда и нередко на бездушных разъяснениях Сената. ... Со всех концов приходят известия о неправосудных и нечистоплотных, в смысле законности, решениях. В Харькове после осуждения Скитских (однажды уже оправданных) публика кричала судьям: «Звери! Не судьи – палачи! Нет правды в судах...», а в Сенате уже идет, еще до получения кассации жалобы, подпольная агитация о том, что приговор вполне правильный и дело будет рассмотрено в Отделении суммарным образом, без передачи в департамент» [12, с. 147–148].

Но обо всем этом наш автор почему-то умалчивает, впрочем, понятно, почему. Иными словами, я усматриваю в этих «наскоках» автора типичный пример критики, которая в наше время все громче звучит из консервативного историографического лагеря (он теперь, как принято говорить, «в тренде»).

¹ ГАРФ Ф. 1467. Оп. 1. Д. 430. Л. 156 об. и след. Также см.: [11, с. 378].

Немного отвлекусь на пояснение идеологической составляющей дискуссии. После обличительного пафоса советской историографии в адрес «проклятого» царского режима с начала 2000-х годов в отечественной историографии стало набирать силу «неоконсервативное направление», представители которого ностальгируют о «России, которую мы потеряли». Они сконцентрировались на перелицовывании прежних стереотипов, их перекраске в противоположный цвет (черное стало белым). Симпатии этой группы исследователей полностью на стороне царской власти, на которую они взглянули, поменяв «черные очки советской историографии» на «розовые».

Даже царская политическая полиция, казалось бы, уж никак не подлежащая «реабилитации», хотя бы вследствие использованных ею методов, находит у представителей этой «новой “старой волны”» немало добрых слов. Вот пример: «Люди, которым была вверена охрана императорского режима, не расправлялись с революционными головорезами как с обыкновенными бандитами (впрочем, тогда и с бандитами обращались без излишней жестокости). Их судили в строгом соответствии с законами, их защищали лучшие русские адвокаты, нередко откровенно им симпатизировавшие. Никто не подвергал революционеров в казематах нечеловеческим пыткам, в их рационе всегда было мясо, фрукты, сладости. Обращались с ними только на «Вы» и даже единичное «ты» могло вызвать – и не раз вызывало! – в среде политических заключенных протест, голодовку и даже бунт» [13, с. 340].

Об авторах сочинений такого толка наш современник, блестящий ученый-историк О.В. Будницкий афористично выразился: такое впечатление, что на описываемые события они смотрят из окна Департамента полиции [14, с. 26]. Анализ сочинения Верещагина показывает, что автор, перефразируя слова О.В. Будницкого, «смотрит на происходившее из окна имперского Министерства юстиции на углу Итальянской и Малой Садовой улиц», причем, не министерства времен умницы С.И. Зарудного или «либеральнейшего» (в лексике нашего автора) Д.Н. Замятнина, а, преимущественно, худших времен Н.В. Муравьева, М.Г. Акимова и И.Г. Щегловитова.

Сочинение Верещагина – пример труда, внешне вроде бы претендующего на объективность, но по факту – все та же тенденциозность, но в «другую сторону» – «Боже, царя храни!». Неудивительно, что у него, как, кстати сказать, и у всего нового поколения консерваторов в исторической науке¹ находит одобрение, например, чрезвычайное законодательство, прежде всего, Положение 1881 г., эта, по определению бойких на язык журналистов конца XIX в., «Великая хартия полицейских вольностей», якобы «временное», но фактически ставшее самым постоянным законом империи, вплоть до ее падения. Предусмотренные чрезвычайным законодательством меры, развязавшие руки полицейскому произволу, не подлежащего никакому *правовому контролю*, не только не вызывают у автора, все же *юриста*, критики, а напротив, находят оправдание.

Другой пример – **Глава 8**, которая посвящена анализу влияния реформы 1889 г. – введение земских начальников – на механизм кассации. Автор с удовлетворением цитирует Н.И. Биюшкину, одного из лидеров неоконсервативного направления в историко-правовой литературе, что мировой суд вызывал неодобрение со стороны правительства. Не можем согласиться с этим утверждением: отчет министерства юстиции за 1887 г., т.е. накануне введения земских начальников свидетельствует об обратном – деятельность мировой юстиции по-прежнему высоко оценивалась ведомством, как, кстати сказать, и отчеты 1890-х гг. о сохранявшихся в ряде мест мировых судах. В недавней монографии Н.И. Горской аргументированно разоблачен миф о кризисе и бедственном положении мировой юстиции в названный период [15].

Трудно поверить, но даже К.П. Победоносцев возражал против закона о земских начальниках. Да что там, сам Д.А. Толстой, министр внутренних дел, глава ведомства, проталкивавшего введение земских начальников, как выясняется, первоначально (записка 18 декабря 1886 г. Александру III) вовсе не выступал за ликвидацию мировых судей, а требовал лишь сокращения их подсудности.

¹ См. историографические обзоры в тт. 4 и 5 «Истории суда и правосудия в России». В 9-ти тт. М.: Норма, 2019 и 2020.

Интересно, что там, где ему удобно, Верещагин использует мнения «нелюбимых» им «левых». Попутно указав одному из самых выдающихся отечественных историков П.А. Зайончковскому (!!!) на его «заблуждения» (Ай-да Верещагин, ай-да... молодец!), автор, тут же охотно цитирует Н.Н. Полянского (в ту пору просто адвоката), что лишь финансовые соображения обусловили введение института земских начальников (с. 235-237). Для «усиления» он использует фразу из статьи анонимного автора за 1897 г. Вот только вопрос: почему мы должны верить частному мнению этого анонима? Только потому, что оно созвучно идейной конструкции Верещагина?

Впрочем, возникает резонный вопрос: а что, в 1912 г., когда решили отказаться от земских начальников и вернуть мировую юстицию, эти «финансовые соображения» отпали? Объяснитесь, пожалуйста. Могу признать «финансовую составляющую» лишь в одном: существование 1935 мировых судей «внутренних губерний» и 1814 земских начальников, 335 городских судей и 335 уездных членов окружного суда было бы накладно для финансового ведомства и для земств, нужно было выбирать. Но зачем было их вводить, создавать столь сложные конструкции, в чем реальная причина введения института земских начальников? Наш автор ловко уходит от объяснения реальной причины, давно установленной поколениями авторитетных авторов от современников реформы до наших современников: «укрепить власть помещиков на местах, упущенную в 1861 г.», камуфлируя ее «финансовыми соображениями». Причины такого неизбежного стремления Верещагина очевидны: устранить подозрения почитаемого им самодержавия в «реакционности». Жалкая попытка, или, как выражаются юристы, покушение с негодными средствами.

Придется нам «помочь» автору с оценкой этого «замечательного института», обратившись к современнику тех событий. Известный либеральный деятель, кадет И.В. Гессен заявил во II Государственной Думе: «Я не знаю, что мне сказать о земских начальниках, какие слова могу найти для того, чтобы наглядно изобразить ту бездну произвола и насилия, которую они внесли в русскую жизнь, какие выражения я мог бы употребить, которые соответствовали хотя бы в малейшей степени той несмыслимой обиде, которую, несомненно, испытывают при одном воспоминании о земских начальниках?». Был ли у Гессена мотив лгать? – Не думаю.

Но к либералу И.В. Гессену у Верещагина, понятно, доверия нет. Наш право-верный автор либералов не привечает. Но тогда поинтересуемся, как же он сам оценил институт земских начальников. Увы, авторские оценки искать бесполезно; лишь отвлеченные краткие ссылки, что некто плохо отзывался. Нам понятна такая сдержанность: автору пришлось бы вынужденно критиковать милый его сердцу режим...

И вообще, каждый раз, цитируя авторов *либерального* толка, он по всему тексту книги *помечает* их (аналогично «иноагентам»): «либеральный» (вариант - леволиберальный, праволиберальный, редко «пламенный либерал»), как бы предупреждая читателя быть осторожным в восприятии: «скорее всего, «неосновательная», «неточная», безоглядная критика», «бичевание по поводу и без повода» и т.п. Под подозрение Верещагина попали блистательные юристы А.Ф. Кони и М.М. Винавер, А.А. Квачевский и Н.П. Карабчевский, газета «Право» (с ее просто выдающимся составом редакции – весь цвет научной юридической элиты) и далее по списку... Ну а «левые» авторы, как и вся советская историческая литература с ее «трафаретами», по словам Верещагина, «укорененная в марксистско-ленинской матрице», и вовсе ни в грош не ставится нашим воинствующим автором (с. 85, 86 и др.).

Даже в третьем разделе, где автор обратился к сугубо процессуальным вопросам и, сменив пластинку, был примерно «сдержан», воздерживался от идеологических выпадов, которыми изобиловали первые два раздела книги, в пользу спокойного анализа, все же «сорвался», и не преминул использовать решение Калужского окружного суда с сословными представителями так-таки осудившего в 1905 г. 12 погромщиков (т.е. сторонников режима, «классово близких» самодержавию лиц) по ст. 269-1 Уложения о наказаниях, используя аналогию закона. Этот приговор и его правовое обоснование было поддержано Сенатом, что, по мнению Верещагина, свидетельствовало об *объективности суда*, защищало от нападок советской и левой литературы о *попустительстве царских судов сторонникам самодержавия* (с. 425).

Мы, конечно, рады за Калужский окружной суд и поддержавший его кассационный Сенат, за их объективность. Но, убеждены, что не самый лучший способ доказывать общие положения отдельными примерами, тем более что есть примеры и прямо противоположного свойства.

Приведу весьма показательный эпизод, когда Сенат (в лице Особого присутствия для суждения дел о государственных преступлениях) своим толкованием, явно идущим вразрез со смыслом уголовного закона, обеспечил осуждение участников демонстрации возле Казанского собора в Петербурге в 1876 г. В связи с тем, что политическая демонстрация была делом совершенно новым и ответственность за подобное не была предусмотрена Уложением, к участникам применили статью 252 ч.2 Уложения о наказаниях о произнесении речей и распространении сочинений, дав ей совершенно произвольное толкование. Участники демонстрации были осуждены, хотя произнесение речей или распространение сочинений ни одним подсудимым в суде не было доказано. Общее собрание кассационных департаментов поддержало решение ОППС¹.

А вот в целом судебная практика (по той категории, которая используется автором для демонстрации объективности суда) – по одному из самых постыдных явлений русской действительности XIX-начала XX вв. – погромам – работает против его убеждений.

На этих судебных процессах погромщики нередко получали символические наказания [17–28; 29, с. 9, 11; 30, с. 11–12; 31, с. 121–127], да и эти наказания они часто не отбывали: император охотно осуществлял помилование осужденных. Верещагин в предыдущих главах неоднократно обращался к практике царских помилований, а здесь почему-то скромно промолчал. Напомним читателям журнала, а заодно и ему, что в свою бытность министром юстиции И.Г. Щегловитов (1906–1915) представил царю не менее 325 докладов о помиловании лиц, осужденных за участие в еврейских погромах (принимали участие тысячи, если не десятки тысяч, а осуждены сотни). Так вот, за все это время докладов о помиловании по названной категории дел, отклоненных «божьим помазанником», не было [32, с. 47–48]. Впоследствии, уже после Февральской революции, когда заработала Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, был вскрыт целый механизм оправдательной практики по погромным делам, благодаря которому просьбы о помиловании осужденных за участие в еврейских погромах удовлетворялись все подряд². Вот такое милосердие... к разбойникам, насильникам, убийцам, разрезавшим животы беременным женщинам-еврейкам и выбрасывавшим младенцев с верхних этажей на улицу.

У одного советского писателя прочитал любопытную заметку: «Гейне писал в *дневнике*, что в это время он влюбился в Матильду. Спустя 100 лет, исследователь его творчества напишет: «Гейне ошибался, в это время он любил Клотильду».

Так получается и у нашего пытливого автора. А.Ф. Кони, проработавший в Сенате более 10 лет, пользовавшийся там заслуженным авторитетом (министр юстиции Н.В. Муравьев как-то в сердцах сказал ему: «Ах, Анатолий Федорович, ведь мы все знаем, что Сенат это вы. На чем вы станете настаивать, то он и сделает» [33, с. 297]) изнутри знал все тонкости сенатской кухни, в письме Б.Н. Чичерину (1898 г.) живописал обстановку в Сенате, используя термины «нравственное одичание», «ожирение души», сравнивал лица сенаторов с лицами, которые видел после чтения письма Хлестакова к Тряпичкину городничий (герои гоголевского «Ревизора»); использовал метафоры «человеконенавистнические речи»; «удивительные в зоологическом отношении спины совсем без позвонков» [12, с. 144].

В работе «Триумвиры» (1907 г.) Кони описал метаморфозы в УКД Сената в начале XX в.: «Бывали, конечно, тревожные и трудные положения, особенно там, где приходилось круто ломать застарелую сенатскую практику, как, например, по вопросу о клевете в печати, или воевать с режимом Победоносцева и аггелов его по делам о преступлениях против веры,

¹ См.: Резолюция ОППС и определение Общего собрания кассационных департаментов по этому делу (1877 г.) приведены в книге: [16, с. 338–345].

² См.: Том XIV следственного дела ЧСК в отношении министра юстиции И.Г. Щегловитова. (ГАРФ Ф. 1467. Оп. 1. Д. 435. Л. 190–193).

но порядочность в отношениях ко мне министров юстиции Набокова и Манасеина и сочувствие лучших людей моего времени поддерживали меня нравственно... Я сознавал, что в судебном ведомстве наступает нравственный перелом, что прежняя любовь к судебному делу иссыкает и что в руках какого-нибудь нечестного стрелочника судебные деятели незаметно для них могут быть с прямого пути, намеченного судебными уставами, переведены на путь грубого карьеризма и душевного опустошения ради суетных приманок»... [33, с. 312]

Также А.Ф. Кони отмечал, что состав Сената к концу века заметно ухудшается, что именно тогда он «стал наполняться и даже переполняться всякими административными отбросами» [33, с. 303–304]. «В среде сенаторов, - отмечал он - появились губернаторы, заседавшие жидов и крестьян во время вымышленных бунтов, и целая вереница неудачных директоров Департамента полиции, которые, хапнув огромное содержание, отпрашивались, оберегая свою драгоценную шкуру, в сенаторы» [33, с. 303–304].

Теперь наш автор, тоже спустя 100 лет, неоднократно поправляя А.Ф. Кони (!), представляет читателю совсем иные, пасторальные пейзажи в кассационном Сенате. Признаюсь, что все же большего доверия заслуживают свидетельства А.Ф. Кони. А рассуждениям Верещагина, как говорится, «верится с трудом».

Подводя итоги в гл. 7, автор выдал важную сентенцию, пусть и не вытекающую прямо из предшествующего материала главы, но обнажающую его *profession de foi*, его кредо: «старый режим» уважал принципы права» (с. 224) (я опускаю ту часть вывода, где автор ни с того ни с сего сравнивает этот режим с советским, который не верил в «религию права» – это совсем неуместно, как говорится «ни к селу...», лишь бы лишний раз пнуть, тем более в отсутствие каких-либо аргументов). Но в части «старого режима» это заблуждение, авторская идеализация, прямо противоречащая той действительности, но вполне укладывающаяся в систему консервативного мировоззрения Верещагина.

До 1864 г. «старый режим» - российская самодержавная монархия - действовал по карамзинскому принципу «в Европе закон – царь, а у нас в России царь - закон». Закон существовал для подданных, но не для начальства¹.

1864 год, действительно, обозначил «рывок к законности», открыл «золотой век права» в России. Но достаточно быстро этот самый «старый режим» почувствовал себя «неуютно» с режимом, ограничивающим его права, с такими правовыми принципами и, в частности, с таким независимым судом, а служители последнего – от следователя в каком-нибудь медвежьем углу империи до сенатора в красном мундире – с помощью законных, полузаконных и вовсе незаконных (кулуарных) процедур («правдами и неправдами»), несмотря на противостояние принципиальных, противодействие честных, неуступчивость верных принципам права юристов нового поколения, заталкивались «старым режимом» в прокрустово ложе «неправа». Эта борьба закончилась, впрочем, поражением и тех, и других в октябре 1917 г.²

Если отстраниться от обширной позитивистской фактографии, то в сочинении Верещагина во весь рост предстанет идеологизированная и искаженная картина дореволюционного правопорядка. Это, на наш взгляд, нивелирует отдельные достоинства книги.

Завершить эту рецензию хотелось бы на оптимистической ноте. Соглашусь, что тема революции и – шире – освободительного движения в России очень непроста, и чем меньше мы будем вкладывать в полемику идеологического подтекста, тем ближе подберемся к истине. Впрочем, что говорить о нас, простых смертных, если великие не могли «договориться». Для Ф.М. Достоевского революционеры – «бесы» (одноименный роман), для Л.Н. Толстого – «люди высокой нравственности» (роман «Воскресение»).

А как быть простому читателю? У него голова пойдет кругом, когда он прочитает книгу, написанную «либералом» или «левым», и книгу, сочиненную консерватором-государственником об одном и том же событии, явлении, герое прошлого. Как будто, как говорят, «это три разные войны».

¹ Подр. см.: [34].

² Подр. см.: [35].

Уверен, что не следует революционеров идеализировать, как это делалось в советской историографии, но так же не следует их демонизировать, как это делают сейчас «неоконсерваторы». В равной мере такой подход должен иметь место и в характеристике «карательного» (в советской лексике) или «правоохранительного» (в лексике современной консервативной литературы) аппарата царской России и его служителей.

Видимо, следует найти какое-то «общее мерило», «общепризнанную ценность», с точки зрения которой мы, ученые, должны оценивать события, факты, акторов и т.д. Подсказку мы сможем найти у великого Гегеля. «Всемирная история, – говорил он в лекциях по философии истории, – есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости» [36, с. 72]. Ему вторил Эрих Фромм: «История человечества является историей борьбы за свободу» [37].

Революционеры, как бы к ним кто не относился, как ни крути, борцы за свободу. Соответственно, государство, их подавляющее – противодействует движению общества к свободе...

Полагаю, что журнал может провести научную дискуссию о том, как писать о революции и контрреволюции, государственно-правовом аппарате прошлого – далекого (самодержавия) и не очень (советского).

Список источников

1. Демченко Г. В. Судебный прецедент. Варшава, 1903.
2. Краковский К. П. История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета. 1804-2004. В 2-х тт. Ростов н/Д: Изд-во «Юг», 2005.
3. Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России (сравнительно-правовые аспекты). М.: Междунар. отношения, 2004.
4. Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному / сост. А. Поворинский. Т. 1. СПб., 1896.
5. Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному / сост. А. Поворинский. Т. 2. СПб., 1905.
6. Черникова Н. В. Государственный совет в системе управления Российской империи. Вторая половина XIX в. М.: Научно-политическая книга, 2021.
7. Троицкий Н. А. Рецензия: Боханов А. Н. Император Александр III. М., 1998 // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 171–174.
8. Краковский К. П. «Щегловитовская юстиция» в России. (Министерство юстиции позднего имперского периода по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). М.: Юрлитинформ, 2014.
9. Витте С. Ю. Воспоминания В 3 тт. М., 1994. Т. 2.
10. Короленко В. Г. Черты военного правосудия // Собр. соч. в 10 тт. М., 1955. Т. 9.
11. Падение царского режима. Стенографические отчеты. В 7-ми тт. Л.-М., 1925. Т. 2.
12. Кони А. Ф. Собр. соч. В 8-ми тт. М.: Юрид. лит., 1969. Т. 8.
13. Головкин Г. З., Бургин С. Н. Канцелярия непроницаемой тьмы: политический сыск и революционеры. М., 1994.
14. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2016.
15. Горская Н. И. Выборный мировой суд России второй половины XIX века. Смоленск, 2008.
16. Ларин А. М. Государственные преступления. Россия. XIX в. Тула, 2000.
17. Бобрищев-Пушкин А. В. Дело о керченском погроме (Защита на суде и кассационная жалоба). СПб., 1907.
18. Дело о погроме в Белостоке 1-3 июня 1906 г. СПб., 1909.
19. Дело о погроме в Мелитополе 18 и 19 апреля 1906 г. Мелитополь, 1906.
20. Дело о погроме в Орше 21-24 октября 1905 г. СПб., 1908.
21. Дело о погроме в Томске в 1905 г. Томск, 1909.
22. Клейнершехет И. С. Дело об октябрьском погроме в Симферополе. Симферополь, 1907.
23. Кревер Б. А. Гомельский процесс. СПб., 1907.

24. Речи по погромным делам (к истории еврейских погромов и погромных процессов в России). Киев. Вып. 1. 1909.
25. Турау Е. Ф. К истории киевского погрома: Всеподданнейший отчет о произведенном по высочайшему повелению сенатором Е.Ф. Турау исследовании причин беспорядков, бывших в г. Киеве в окт. 1905 г. Киев, 1906.
26. Киевский и Одесский погромы в отчетах сенаторов Турау и Кузминского / С предисл. И. Непомнящего. СПб., 1907.
27. Троицкий Н. А. Кишиневский процесс. Гомельский процесс // Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула: Автограф, 2000.
28. Варфоломеев Ю. В. Дело о Ярцевском еврейском погроме // Очерки политических процессов первой четверти XX века. Саратов: Научная книга, 2007. С. 225-233.
29. Кишиневский процесс // Революционная Россия. 1903. № 38.
30. Урусов С.Д. Записки губернатора. Berlin, 1908.
31. Мандельштам М.Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931.
32. Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. Исследование по неопубликованным архивным документам. [М], 1934.
33. Кони А.Ф. Собр. Соч. Т. 2.
34. Краковский К. П. Самодержавие, законность и суд // Вестник Саратовской государственной академии права. Научный журнал. 2003. № 4(37). С. 11–16.
35. Шахрай С. М., Краковский К. П. Юристы и революция. Pro et Contra. М.: Кучково поле, 2017.
36. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб: Наука, 1993.
37. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Изд-во «АСТ», 2022.

References

1. Demchenko G. V. *Judicial precedent*. Warsaw, 1903. (In Russ.)
2. Krakovskiy K. P. *History of the Faculty of Law of the Warsaw-Don-Rostov University*. 1804-2004. In 2 vol. Rostov-on-Don: Publishing house "Yug"; 2005. (In Russ.)
3. Vereshchagin A. N. *Judicial law-making in Russia (comparative legal aspects)*. Moscow: Mezhdunar. Relations; 2004. (In Russ.)
4. *Systematic index of Russian literature on the judicial system and civil and criminal proceedings* / comp. A. Povorinsky. Vol. 1. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)
5. *Systematic index of Russian literature on the judicial system and civil and criminal proceedings* / comp. A. Povorinsky. Vol. 2. St. Petersburg, 1905. (In Russ.)
6. Chernikova N. V. *State Council in the management system of the Russian Empire. The second half of the XIX century*. Moscow: Scientific and Political book; 2021. (In Russ.)
7. Troitsky N. A. Review: Bokhanov A. N. *Emperor Alexander III*. Moscow, 1998. *Questions of history*. 2000;(8):171–174. (In Russ.)
8. Krakovskiy K. P. *"Shcheglovitovskaya justice" in Russia. (Ministry of Justice of the Late Imperial period based on the materials of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government)*. Moscow: Yurlitinform, 2014. (In Russ.)
9. Witte S.Y. *Memoirs* In 3 vol. Moscow; 1994. Vol. 2:339-340. (In Russ.)
10. Korolenko V. G. *Features of military justice*. Collected works in 10 vol. Moscow; 1955. Vol. 9. (In Russ.)
11. *The fall of the tsarist regime. Verbatim reports*. In 7 vol. L.-M., 1925. Vol. 2. (In Russ.)
12. Koni A. F. *Collected works* in the 8th vol. Moscow: Legal lit., 1969. Vol. 8. (In Russ.)
13. Golovkov G. Z., Burgin S. N. *The Office of Impenetrable darkness: political investigation and revolutionaries*. Moscow; 1994. (In Russ.)
14. Budnitskiy O. V. *Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)*. Moscow: ROSSPEN; 2016. (In Russ.)
15. Gorskaya N. I. *The elected World Court of Russia of the second half of the XIX century*. Smolensk; 2008. (In Russ.)
16. Larin A. M. *State crimes. Russia. XIX century*. Tula; 2000. (In Russ.)
17. Bobrishchev-Pushkin A. V. *The case of the Kerch pogrom (Defense in court and cassation appeal)*. St. Petersburg, 1907. (In Russ.)
18. The case of the pogrom in Bialystok on June 1-3, 1906, St. Petersburg, 1909. (In Russ.)

19. The case of the pogrom in Melitopol on April 18 and 19, 1906. Melitopol, 1906. (In Russ.)
20. The case of the pogrom in Orsha on October 21-24, 1905. St. Petersburg, 1908. (In Russ.)
21. The case of the pogrom in Tomsk in 1905, Tomsk, 1909. (In Russ.)
22. Kleinershekhet I. S. *The case of the October pogrom in Simferopol*. Simferopol; 1907. (In Russ.)
23. Krever B. A. *Gomel process*. St. Petersburg, 1907. (In Russ.)
24. *Speeches on pogrom cases (on the history of Jewish pogroms and pogrom trials in Russia)*. Kiev. Issue 1. 1909. (In Russ.)
25. Turau E. F. *To the History of the Kiev pogrom: The most comprehensive report on the investigation of the causes of the riots that took place in Kiev in October 1905 by the highest order of Senator E.F. Turau*. Kiev, 1906. (In Russ.)
26. *The Kiev and Odessa pogroms in the reports of Senators Turau and Kuzminsky / With a preface by I. Nepomnyashchy*. St. Petersburg, 1907. (In Russ.)
27. Troitsky N. A. Kishinev process. The Gomel Process. In: *Advocacy in Russia and political processes of 1866-1904*. Tula: Autograph, 2000:363-368. (In Russ.)
28. Varfolomeev Yu. V. The case of the Yartsevsky Jewish pogrom. *Essays on political processes of the first quarter of the twentieth century*. Saratov: Scientific Book, 2007:225-233. (In Russ.)
29. Kishinev process. *Revolutionary Russia*. 1903;(38). (In Russ.)
30. Urusov S. D. *Notes of the governor*. Berlin; 1908. (In Russ.)
31. Mandelstam M. L. *1905 in political processes. Notes of the defender*. Moscow; 1931. (In Russ.)
32. Tager A. S. *Tsarist Russia and the Beilis case. Research on unpublished archival documents*. [M], 1934. (In Russ.)
33. Koni A. F. *Collected works*. Vol. 2.
34. Krakovskiy K. P. Autocracy, legality and the court. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law. Scientific journal*. 2003;4(37):11-16. (In Russ.)
35. Shakhrai S. M., Krakovsky K. P. *Lawyers and revolution. Pro et Contra*. Moscow: Kuchkovo field; 2017. (In Russ.)
36. Hegel G.V.F. *Lectures on the philosophy of history*. St. Petersburg: Nauka; 1993. (In Russ.)
37. Fromm E. *Flight from freedom*. Moscow: Publishing house "AST"; 2022. (In Russ.)

Информация об авторе

К. П. Краковский – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления РАНХиГС.

Information about the author

K. P. Krakovskiy – Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of Public Administration and Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 14.11.2022; approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 29.11.2022.